

Читайка

Яна ФАЙМАН

Дорогие друзья!

Рассказ Яны Файман «Про зоопарк» – грустный.

Действительно, звери в зоопарке иногда очень печальны – хоть плачь. И детское сердечко чувствует эту звериную несвободу иногда острее, чем взрослое. Именно поэтому мальчик Женя переделывает сказку про обезьянку. Прав был Корней Иванович Чуковский, когда писал: «Для ребёнка отвратительны сказки и песни с печальным концом. Живя иллюзией вечного праздника, дети упрямо заменяют печальные концовки наших сказок и песен благополучными, радостными. ... Ибо малые дети не терпят, чтобы в тех сведениях о жизни, какие дают им литература, театр, живопись, был хоть намёк на окончательную победу несчастья и зла. ... Ведь счастье для малых детей – норма жизни, естественное состояние души, ещё не знающей ни об угрозе неминуемой смерти, ни о мучительных тяготах и томлениях жизни». Нужны ли грустные сказки и рассказы? Думаю, что нужны. Они учат не только пассивному состраданию, но и просыпающемуся в человеке желанию помочь слабому, защитить обиженного.

Про зоопарк

Эту сказку про зоопарк мы придумали с маленьким Женькой немножко вместе. Она у нас общая, вот только заканчивается по-разному. И если честно, Женькин вариант нашей сказки мне нравится больше...

На далеком жарком юге, где всегда тепло, среди вечнозеленых пальм жила маленькая обезьянка. Утром, едва вставало солнце, обезьянка, радуясь новому дню, весело прыгала с дерева на дерево, оглашая лес радостным визгом. Днем, когда становилось слишком жарко, она забиралась в густую листву и ела сочные фрукты, срывая их пря-

мо у себя над головой. А вечерами, взбираясь на самое высокое дерево, которое она только могла найти поблизости, пела заходящему солнцу свою прощальную, немного грустную песню.

Обезьянка жила свободной счастливой жизнью. У нее было много друзей, таких же обезьянок. Они весело и шумно играли вместе или, в полуденную жару, копались в шерсти друг друга.

Но вот однажды, прыгая с ветки на ветку, обезьянка угодила в ловушку, расставленную людьми. И чем яростнее она пыталась выбраться, тем сильнее запутывалась.

А вечером пришел человек, но, вызволив обезьянку, он не отпустил ее на волю, а посадил в темный душный ящик. Маленькой обезьянке стало так страшно, что вскоре она перестала кричать и плакать и, забившись в угол, сидела так тихо, словно ее и не было вовсе.

Ящик с маленькой обезьянкой, как и множество других, погрузили на корабль, который на следующий день вышел в море. Но обезьянка, конечно, не могла этого знать. По ночам она слышала крики попугаев, плач гиен, рычание львов. Но эти звуки не были похожи на те, которые раздавались в родных местах. Звери стонали и проклинали людей, лишивших их свободы.

Наконец, ящик открыли, и измученная обезьянка оказалась в просторном вольере. Несколько дней она не прикасалась к пище и почти совсем не двигалась.

— Перестань! — говорили ей другие обитатели вольера, — здесь не так уж и плохо. Нас хорошо кормят и дают играть забавными человеческими вещами. И тебе никогда не придется опасаться хищных зверей!

— А где мы? — тихо спросила маленькая обезьянка.

— Мы — в зооопарке, — ответила самая старая обезьяна, которая прожила в вольере почти всю свою жизнь. — Большие люди приводят сюда своих детенышей, чтобы они смотрели на нас...

Маленькая обезьянка подошла к толстому пыльному стеклу. Она увидела множество самых разных зверей: слонов, жирафов, носорогов, леопардов. Все они сидели в таких же клетках, а вокруг ходили люди. Они громко смеялись, разговаривали, показывали на животных пальцами.

— А когда нас отпустят домой? — грустно спросила обезьянка.

Все засмеялись.

— Теперь здесь твой дом!

С этого дня мир для обезьянки перевернулся. Один день сменялся другим,

второй — третьим, четвертый — пятым. Все они, как две капли воды, были похожи друг на друга, в них не было свободы, не было счастья. Целыми днями маленькая обезьянка сидела, прижавшись лбом к толстому стеклу вольера, и смотрела куда-то вдаль, не обращая внимания на проходивших мимо людей. Она вспоминала жаркое солнце, высокие зеленые пальмы, ароматные фрукты и своих веселых друзей.

Как-то раз мама привела маленького Диму в зоопарк.

— Посмотри, как много разных красивых зверей живет на нашей планете! — сказала она мальчику.

Дима ходил от клетки к клетке, пока не дошел до той, где сидела обезьянка.

— Мама, а почему она такая грустная? — спросил мальчик.

— Не знаю, возможно, у нее сегодня плохое настроение.

На следующий день Дима заболел. Он просидел дома целый месяц. А, поправившись, мальчик попросил маму вновь отвести

его в зоопарк.

— А где же та маленькая грустная обезьянка? — спросил Дима, не увидев ее в вольере.

— Она сильно заболела, — уклончиво ответил сторож.

— Ну как, понравилось тебе в зоопарке? — спросил сына отец.

— Нет! — ответил Дима.

— Почему? — удивились родители.

Мальчик посмотрел на них, не зная, как правильно сказать:

— Все звери там совсем не настоящие. Я ведь знаю, что настоящие в клетках жить не могут...

— Плохая сказка, — насупившись, сказал тогда Женька, — вы неправильно все придумали. Было так...

Обезьянка не стала грустить и болеть. Она подружилась с Димой, и Дима отвез ее домой. А потом он приезжал к ней в гости, ел бананы и играл с другими обезьянками. И всем было хорошо. А еще он серьезно поговорил с самым главным директором и всех-всех зверей тоже отпустил домой.

Надежда ВАСИЛЬЕВА,
Республика Карелия, Петрозаводск

Уважаемые друзья!

В 3 номере (2006) нашего журнала мы опубликовали первую часть повести Надежды Васильевой «Про Стасика, Дашу и бабушку Машу» о Дашиных пальчиках и о том, как Даша избавлялась от таких неприятных свойств, как зависть, жадность или гнев.

Сегодня вашему вниманию предлагается ее вторая часть — «Про Стасика». Это рассказы о том, почему нельзя брать чужого и почему не надо обижаться на других, когда сам виноват.

«Про Стасика»

(ПОВЕСТЬ В РАССКАЗАХ)

ТАЙНА

Стасик лежал на бабушкиной кровати и горько всхлипывал.

Жалел себя. Как он умудрился упасть с крыльца? Бабушка Маша (папина мама) сидела рядом и гладила его по вздрагивающей груди. Боль на локте и коленке давно прошла, но губы Стасика продолжали кривиться, и по щекам катились солёные слёзы. Конечно, они были не такие солёные, как огурец или селёдка, но всё же кончик языка улавливал на уголках рта какой-то горьковато-солёноватый привкус.

— Не плачь! Бог тебя любит, — уговаривала бабушка. — Конечно, ушибся немножко, но эти синяки и царапины до свадьбы заживут.

Изо рта Стасика вырвалось какое-то тихое поскуливание, точь-в-точь как у бабулиного любимца Крезика.

— Да-а! Как же! «Лю-ю-бит!» А почему тогда я упал?

— Давай разбираться, — ласково предложила бабушка. — Начнём с лангетки...

Стасик поднял голову от подушки и взглянул на ногу, которая была плотно

прибинтована к гипсовой лангетке. И что ему так не везёт?

Мама привезла ему из Германии велосипед. Не простой, накрученный. Ни у кого из ребят в их дворе такого не было. Разноцветные лампочки, музыкальный сигнал и даже ручной тормоз.

Стасик был так увлечён велосипедом, что не слышал голоса бабушки Люси, ма-

миной мамы, с которой жил в городе.

Вернее, услышал, но не отреагировал. Уж очень хотелось показать ребятам, как лихо он умеет ездить. Заодно продемонстрировать и ручной тормоз. А бабушка с балкона звала его кушать. Уже второй раз! На третий бы ему «не

сдобровать». С бабушкой Люсей шутки плохи. Возьмёт да и запрет велосипед в кладовку. Не выпросишь потом.

А Гришка, как назло, опять отвлек внимание ребят и что-то рассказывал им, чертя прутиком на земле. Ребята слушали с открытыми ртами. Ещё бы! Гришка старше Стасика на целых пять лет. Ему уже скоро десять стукнет!

— Стасик! Я кому сказала?! Кушать!
— раздался с балкона сердитый бабушкин голос.

— Иду! — звонко заверил Стасик и, крутанув педалями, крикнул ребятам, — А ну, разоидись! Задавлю!

И дальше помнил только огромные фары машины и полные тихого ужаса глаза женщины за рулём.

Из-под бампера он вылез сам. И сразу оказался в бабушкиных объятьях. С балкона она спрыгнула, что ли? Дальше всё было, как в мультиках. «Скорая помощь», «гаишные» мигалки, какие-то тётки в белых халатах. Шевелили его руки, ноги и всё спрашивали: «А тут болит?», «А так больно?» Он испуганно молтал головой: «Не-а!» Но лангетку ему всё равно наложили, по бабушкиной просьбе, потому что колено вспухло, и сильно. Бегать с лангеткой на ноге было неудобно, ходить тоже. Дедушка Толя (папин папа) забрал его на дачу.

Дачу Стасик обожал, хоть и бывал на ней не часто, потому что там шла стройка. И всё же с прошлого лета помнил, что «в лесном домике» было много интересного. И баня, и лодка, и костёр, и даже маленький бассейн, где жили два настоящих окуня.

Однако, как сказала бабушка Маша, с прошлого лета «много воды утекло», а потому она водила Стасика по участку, крепко держа его за руку. Он терпеливо слушал её «ценные указания»:

— К бассейну близко не подходи. Он очень глубокий. И здесь осторожно — дренажный ров. Дедушка сделал его для того, чтобы ручьи, бегущие со скалы, грядки водой не заливали. В него не ступай, мы туда бросаем стёкла, которые находим на участке. Ты меня слышишь?

Угу! — уныло соглашался Стасик. И вид у него был, как у Пьеро из сказки «Золотой ключик».

Но вдруг лицо его разом оживилось, будто долгожданное солнышко выглянуло из-за тучки.

По дороге к их дому бежали два соседских мальчика. За ними шла молодая тётя в купальнике, видимо, их мама. Все трое, как сразу догадался Стасик, направлялись через их участок к озеру. Мальчики на вид были младше его года на два. Они, как вкопанные, остановились напротив Стасика и в упор с нескрываемым интересом разглядывали его. Стасик сморщился и погладил лангетку, хоть, если честно, нога уже не болела, а просто чесалась под гипсом. При взрослых разговор никак не клеился. Стасик ломал голову, чем бы таким удивить мальчишек?

Бабушка говорила, что они жили на даче всё лето. Значит, ни грядки, ни огромные лопухи ревеня, ни даже полянка с земляникой им не в диковину.

И тут вспомнил про автомат. Игрушку, после его долгого нытья, купила бабушка Люся. Из дула вылетали вспышки огня, а звуковые эффекты очень напоминали автоматную очередь. Шальная идея похвастаться новой игрушкой одним духом подняла Стасика на второй этаж по лестнице, где дедушка делал перила. В голове сверлила одна мысль: только бы успеть! Только бы мимо не прошли! Дедушка Толя удивлённо покачал головой, но больше ничего не сказал, потому что во рту держал наготове гвозди. Схватив в руки автомат, Стасик пулей слетел по ступенькам вниз до средней площадки и ... по инерции, сквозь не заделанный проём в перилах, вывалился прямо на клумбу с цветами.

— И чего тут разбираться?! — вспомнив свой «полёт» с крыльца, скривил рот Стасик. — Куда, бабуль, твой ангел-хранитель смотрел?

Фарфоровую статуэтку ангела с крылышками бабуля подарила ему на Рождество. Статуэтка висела под ночником возле его постели в городской кварти-

ре. Сначала Стасик часто поглядывал на ангела-хранителя, а потом привык: ну висит, и пусть себе висит. А сейчас что-то вспомнилось.

— Ангел-хранитель хвастовства не любит, — вздохнула бабушка Маша. — А у тебя от бахвальства иной раз глаза пеленой застилает! Вот ангел и отвернулся. Всякий раз, как хвастать начнёшь, Богом наказан будешь. В третий раз и посильнее щелкнуть может. Так что не забывай об этом.

Стасик задумался. Интересно, какие они, ангелы? Не фарфоровые, а настоящие? Вот бы их увидеть! Он бы с радостью подарил им и автомат, и велосипед. Может, они его летать научат? Но бабуле говорить об этом не стал.

Пусть это будет его тайна.

СЕРВИС

Стасик вышел на крыльцо. Окинул быстрым взглядом двор. Гришка с Игорем сидели на скамейке, что стояла под берёзой, и считали выручку. Не мелочью — бумажками. Это Стасик хорошо видел. На эти деньги, наверное, можно было бы купить уже не одну шоколадку.

Гришка с Игорем занимались сервисом. Ловили клиентов у магазина. И пока водители заходили в магазин что-нибудь купить в дорогу, парни быстро мыли их легковые машины. Вёдра с водой и мягкими тряпками стояли наготове. Выходит водитель из магазина, а они ему: «Дяденька! Мы вашу машину намыли. С вас двадцать рублей». Конечно, водители попадались разные. Один усмехнётся и достанет кошелек. Другой — отругает и погрозит кулаком вслед: «Молите Бога, что тороплюсь! А то бы уши надрал за ваш навязчивый сервис!»

Пока Стасик наблюдал за старшими ребятами и чесал взмокшую от яркого солнца голову, на улицу вышел дедушка Толя с ведром горячей воды. Он перегнал машину на лужайку и принялся за работу. В голове у Стасика тут же родилась идея.

— Дедуля! — подбежал он к машине, — Давай я тебе помогу!

Дед вскинул на него удивлённый

взгляд. Не всегда Стасика на доброе дело легко уговорить можно.

— Ну, помоги! — согласился дед.

— А ты мне за это заплатишь?

У деда даже мокрая тряпка из рук выпала. Хорошо, не в песок, а на траву.

— А сколько ты просишь?

— Не знаю, — растерялся Стасик. И озадачил встречным вопросом: — А сколько бы ты дал?

— Пять рублей, — хитро прищурился дед. — Хватит?

— Дедуль, а что на пять рублей купить можно?

— Чупа-чупс или полбуханки хлеба. Что бы ты взял?

Стасик задумался. Бабушка Маша говорила, что кожа у него на щеках шелушится от чупа-чупса, потому как в нём много всякой химии намешано.

Лучше, конечно, принести хлеб к обеду. И даже представил, как бабуля всплеснёт руками: «Кормилец ты наш!» Так уже было однажды, когда Стасик принёс с рыбалки несколько рыбёшек, пойманных на удочку.

— Лучше хлеба куплю, — твёрдо сказал он.

— Ну, это ещё полбеды, — чему-то усмехнулся дед. — Помогай! — и протянул Стасику тряпку.

Стасик очень старался. А дедуля молчал. И почему-то совсем не хвалил.

— Дедуль, ты меня вечером на рыбалку возьмёшь? — начал первым разговор Стасик. Но дед Толя покачал головой. — Почему? — удивился Стасик. Отказа от деда не ожидал.

— Это будет тебе дорого стоить.

— Как это? — не понял Стасик.

— Да вот так, — сухо произнёс дед. — Деньги за деньги, услуга за услугу. Ты с меня за помощь деньги берёшь, а я почему тебя бесплатно должен на своей лодке катать? — И протянул Стасику пять рублей. — Держи!

Стасик обиженно отвернулся.

— Ты чего? — спросил дед.

— Я ж пошутил! — сквозь слёзы пролепетал Стасик.

— А-а-а! Ну, тогда прости. А я думал, серьёзно. Пошли в магазин за хлебом.

Бабуля просила к обеду купить... — И приобнял Стасика за плечи: — А вечером поплывём на рыбалку!

ИГРУШКИ

Большие витрины Детского мира дразнились игрушками, всякими-разными. Но Стасик теперь проходил мимо них спокойно. Что он, маленький, что ли? Ему осенью исполнится шесть. Через год в школу. Навстречу шёл мальчик лет четырёх и, вырывая свою руку из маминой, громко ревел.

— Хо-чу в магази-и-н! Ку-пи мне маши-и-нку!

И даже специально ногами топал по лужице, чтобы брызги летели прямо маме на светлое платье. Мама растерянно оглядывалась по сторонам и не знала, как его успокоить.

— Не реви! Мне стыдно за тебя! — шёпотом упрашивала она его. — Люди смотрят!

Но малышу не было стыдно. Он так разошёлся, что даже замахнулся на маму. Та вовремя перехватила его руку.

Стасик, наблюдая за такой знакомой картиной, вздохнул и отвернулся. Жаль, что нет рядом сейчас бабушки Маши. Она бы этому «пискуну» объяснила. Папа говорит, что у бабушки Маши «логика железная». Что такое «логика», Стасик не знал, но слушать бабушку было интересно. Вот, к примеру, Стасик ей однажды заявил:

— Почему ты, бабуля, мне в подарок только одежду или обувь покупаешь? А игрушки?

На что бабуля ответила:

— Если хочешь, чтобы тебе купили игрушку, скажи конкретно какую и обоснуй, для чего она нужна. И запомни, самые хорошие игрушки те, которые мы делаем своими руками.

— Какие такие? — не понял Стасик.

— Приедешь на дачу, покажу.

И Стасик стал с нетерпением ждать выходных. В субботу они с дедушкой мастерили водомёт. Нашли две дудки, что росли за огородом, одну потолще, другую потоньше. Вставили одну в другую.

Получилось что-то наподобие велосипедного насоса. Стасик поливал им всё, что попадалось на глаза: и пирс, и разогревшиеся на солнце железные гаражи, и ольховые кусты, и маленькие ёлочки, что были посажены дедом для умирения озёрного ветра.

А на другой день бабуля положила в железную миску огрызок хозяйственного мыла, отыскала в траве прошлогоднюю соломинку, расщепила её на конце и легонько дунула в мыльный раствор. Вся чашка взялась пузырями. А бабуля осторожно, как профессиональный стеклодув, стала дуть в соломинку. На конце соломинки появился мыльный пузырь. Он надувался, сверкая всеми цветами радуги, и долго плясал на кончике соломенной трубочки, пока с озера не примчался озорной ветерок. Пузырь полетел вместе с ним на лужайку и опустился на траву. А из трубочки уже вылетали другие пузыри. Иногда они вылетали не по одному, а сразу по два, по-приятельски сцепившись друг с другом прозрачными оболочками.

С тех пор Стасик никогда не брал на дачу игрушки. Зачем они нужны, когда там столько интересных дел? И грядки поливать научился, и ягоды собирать, и

листья сгребать. А уж если захочется поиграть, лучше вместе с дедушкой сделать грузовик из настоящих ольховых чурок.

Мальш у магазина никак не унимался. Даже вспотел от рёва. Стасик достал из кармана разноцветные камушки и показал мальчику.

— Смотри, что у меня есть!

Тот сразу рот закрыл и потянулся за камушками.

— Бери! — охотно согласился Стасик.

— У нас на берегу озера их много. Опустить их дома в воду. Знаешь, какими красивыми станут! — И вдруг спросил, — а сколько тебе лет?

Мальш показал четыре пальца.

— Ну, во-о-т! — с упрёком протянул Стасик и повторил сказанную ему когда-то отцом фразу. — Взрослый четырёхлетний мужик, а ревьешь, как глупая трёхлетняя девчонка!

Мама мальчика так расхохоталась, что на неё стали оглядываться прохожие. Стасик подмигнул им и пошёл восвояси.

ОЛОВЯННЫЕ СОЛДАТИКИ

Их было в детском саду много. Целая коробка. В разных формах: и в красной, и в синей. Конечно, были они не оловянные, а пластмассовые. Уж Стасик олово от пластмассы отличить мог. Стояли солдатики не на ногах, вставлялись в прорези картонного поля боя пластмассовыми штырьками.

Сначала от игры мальчишек было не оттащить. Но к концу дня войско заметно поредело. И синих мало, и красных не густо. Попрятались по карманам штанов да курток. Стасик тоже одного взял. Показал в выходной бабушке Маше.

— Откуда он у тебя? Кто дал? — поинтересовалась та.

— Никто. В саду взял. Их там много.

Бабуля отложила в сторону вязанье.

— То есть как это сам? Без разрешения? Украл, что ли?

Стасик поднял на неё удивлённый взгляд. Вот даёт! Нашла вора!

— Ты что, бабуль?! Не я ж один. Все брали.

— Погоди, погоди! — нахмурилась бабуля. — Что значит «все»? Воспитатель-

ница раздавала каждому по одному на память?

— Да ну тебя, бабуль! — отвернулся от неё Стасик. — Скажешь тоже! Будет воспитательница раздавать!.. Игра-то новая, только купленная.

— А вы, значит, растащили? Погубили войско!...

Тут и дед, откуда ни возьмись. Тоже в разговор встрял.

— Вот-вот! А потом удивляемся, откуда в стране «таскунов» столько! С пустышкой всё и начинается. А раньше, между прочим, за воровство человеку руку отрубали!

— Как это? — во все глаза глядел на деда Стасик.

— Да вот так! А ты что думал?

Стасик резко развернулся и, зажав солдатика в руке, побежал к костру.

— Куда? — успел схватить его за штаны дед.

— В костёр брошу! — выкрикнул Стасик.

— Ну уж нет! Где взял, туда и положишь!

— Ты что, дед! Меня же ругать будут!

— Отдашь воспитательнице, — спокойно подсказала бабушка Маша. — Извинишься, мол, не подумал. И другим пример хороший!

В понедельник ноги у Стасика в сад не шли. И солдатик в кармане штанов бедро жёг. Долго стоял возле воспитательницы, рта открыть не мог. Но она сама спросила:

— Ты что-то хотел мне сказать, Стасик?

Он молча протянул ей солдатика.

— Извините, я нечаянно его домой унёс. Больше так не буду!

Воспитательница долго смотрела на него, не понимая. А потом вдруг засияла вся. Наклонилась, заглянула в глаза:

— Я тебе верю! И с ребятами на эту тему поговори, ладно?

Стасик кивнул, облегчённо шмыгнул носом и вприпрыжку побежал в группу.

После тихого часа в коробке солдатиков было уже намного больше. А на другой день, когда всё войско было в сборе, воспитательница развернула поле боя:

— Хорошо, что все солдатики собрались! — и подмигнула Стасику. — Ведь не зря говорят: один в поле не воин!

ПРО СТАСИКА, ДАШУ И БАБУШКУ МАШУ

Стасик ждал Дашу уже несколько дней. И не просто ждал, а готовился к её приезду: помогал бабушке делать шалаш на берегу, маленький столик, скамейки. Даша, конечно, обрадуется.

Вместе на даче куда интересней. Даша — его двоюродная сестра. На год

старше Стасика. Очень красивая! Золотые волосы на висках вьются. В косичках яркие бантики. Платье с воланами. На ногах гольфы с помпончиками. Стасик бы с удовольствием на ней женился, да бабушка сказал, что сестра не может быть женой. А жаль!

И вот, наконец, к крыльцу подъехала их белая машина. Даша, как только из кабины выскочила, скорее к бабуле! Так и повисла у неё на шее. А на Стасика даже не взглянула. Будто и не брат он ей вовсе. Тогда Стасик тоже к бабушке подошёл и обхватил её руками с другой стороны. И тут вдруг Даша сказала:

— А ты, Стасик, отойди! Бабуля моя! И меня она больше, чем тебя, любит!

Сказала, как холодной водой окатила. У Стасика всё внутри сжалось. Нет, не хотел бы он такую жену!

— Зачем так говоришь?! — пожурила её бабушка Маша. — Это неправда! Я вас обоих одинаково люблю.

— Но я ведь девочка! А он мальчик! — не сдавалась Даша. — Пусть к бабушке идёт!

— Ишь ты, коза! — усмехнулась бабуля. — Вы у меня, как пальцы на руке. Какой ни куси — всё больно! Обоих и люблю, и жалею. А больше всего, между прочим, жаль того, кого обижают. Сейчас ты словами Стасика обидела. Значит, в этот момент я его больше люблю. Вот так-то!

Стасик показал Дашке язык, мол, что? Съела? Та скривила ему мордочку. Стасик сморщился и отвернулся. Фу! Какая мартышка! И что он в ней красивого нашёл?!

— Зачем ты про Дашу сейчас плохо подумал? — лукаво взглянув на него, спросила бабуля. Стасик опешил. Белые ресницы его замигали часто-часто. Бабушка что, мысли читать умеет?! Не удержался, спросил:

— А как ты, бабуль, догадалась?

— По твоим глазам. Во взгляде у человека всё написано. У тебя в этот момент глаза из голубых тёмно-синими сделались.

Стасик покосился на Дашу. Та улыбалась. Ничего плохого в её глазах он не обнаружил. В бабулиных — тоже. Тогда, чтобы чем-то уязвить сестрёнку, твёрдо сказал:

— Всё равно, бабуля, ты — моя!

— Нет, моя! — плаксиво скривилась Дашка.

— А вы возьмите меня и на куски разрежьте, — лукаво прищурилась бабуля. — Каждому по половинке достанется. Согласны?

Ну, бабуля! Придумала!

Стасик замолчал. Даша тоже. А что на это скажешь?

Тут к ним подошёл дядя Вова, Дашин папа, с фотоаппаратом в руках.

— Давайте я вас на память сфотографирую! Уж больно хорошо возле бабули смотрите! А ну-ка присядьте на крылечко.

Бабушка Маша поднялась по ступенькам, уселась на крылечке, крепко прижала внуков к себе с обеих сторон и сказала:

— Сыр!

Все трое расплылись в улыбке и тотчас забыли про обиды. Стасик, как и подобает мужчине, первым подал Даше руку, и они побежали на берег озера, искать дедушку.